

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ

ОПЫТ И СУЖДЕНИЕ

§ 8. ГОРИЗОНТНАЯ СТРУКТУРА ОПЫТА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ТИПИЧЕСКАЯ ИЗВЕСТНОСТЬ
КАЖДОГО ОТДЕЛЬНОГО ПРЕДМЕТА ОПЫТА

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ (пер. с нем.)

Кандидат философских наук, старший преподаватель.
МГУ имени М. В. Ломоносова, философский факультет.
119991 Москва, Россия.

E-mail: alloff2008@yandex.ru

EDMUND HUSSERL

EXPERIENCE AND JUDGEMENT

§ 8. THE HORIZON-STRUCTURE OF EXPERIENCE.
THE TYPICAL PRECOGNITION
OF EVERY INDIVIDUAL OBJECT OF EXPERIENCE

ALEXANDER FROLOV (trans.)

PhD in Philosophy, Senior Lecturer.
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy.
119991 Moscow, Russia.

E-mail: alloff2008@yandex.ru

Однако тот факт, что всякое схватывание отдельного предмета, как и всякая дальнейшая деятельность познания, происходит на почве мира, означает нечто большее, чем просто зависимость познавательной деятельно-

© ALEXANDER FROLOV, trans., 2017

сти от сферы предданного в пассивной достоверности. Познавательный акт никогда не осуществляется в отношении индивидуальных предметов опыта таким образом, как если бы они впервые были предданными лишь в качестве совершенно неопределенных субстратов. Мир для нас всегда уже таков, что познание в нем самым различным образом уже проделало свою работу; поэтому, несомненно, нет никакого опыта в элементарном, первичном смысле (*im erstlich-schlichten Sinne*) — как опыта вещи, в котором, впервые схватывая некоторую вещь, знакомясь с ней (*zur Kenntnis nehmend*) мы бы уже не «знали» о ней больше, чем «схватили». Любой опыт, что бы в нем ни было дано в собственном смысле, как само представляющее взору, *eo ipso* необходимо имеет знание и сопутствующее знание (*Wissen und Mitwissen*) относительно данной вещи, а именно, о тех ее свойствах, которые еще не проявились, не вышли на свет. Это предшествующее знание (*Vorwissen*) может быть содержательно неопределенным или не до конца определенным, однако оно никогда не бывает совершенно пустым, и если бы оно отсутствовало, опыт вообще не был бы опытом относительно некоторой вещи.

Любой опыт имеет свой *горизонт*; любой опыт имеет свое ядро действительных и определенных содержаний, свою долю непосредственно самоданных характеристик, но, помимо этого ядра определенного так-бытия, помимо данного собственно как «оно само», опыт имеет свой горизонт. Это значит: любой опыт указывает не только на возможность (а с точки зрения Я — на способность [*Ver-möglichkeit*]) последовательно эксплицировать вещь, данную с первого взгляда, в соответствии с ее самоданностью, но и на возможность в ходе опыта раскрывать все новые характеристики одного и того же предмета. Любой опыт можно расширять, переходя в непрерывность и экспликативное сцепление отдельных опытов, находящихся в синтетическом единстве, — [мы получим] единый, бесконечно открытый опыт относительно одного и того же предмета. В виду моих текущих целей мне может быть достаточно того, что уже действительно дано в опыте, но затем я «как раз порываю» с этим «достаточно». Однако я могу убедиться, что никакая характеристика предмета не является последней, что действительно данное в опыте снова и снова — вплоть до бесконечности — влечет за собой горизонт возможного опыта относительно одного и того же предмета. И этот горизонт, в своей неопределенности, заранее имеет сопутствующую значимость (*Mitgeltung*) как некое пространство возможностей (*Spielraum von Möglichkeiten*),

предочерчивая ход дальнейшего определения, в результате которого в действительном опыте одна возможность осуществляется в противовес другим.

Таким образом, любой опыт относительно отдельной вещи имеет свой *внутренний горизонт* (Innenhorizont); причем [слово] «горизонт» означает при этом *индукцию*, имеющую место в самом опыте, сущностно ему принадлежащую и от него неотделимую. Термин «индукция» здесь необходим, поскольку он указывает (что тоже есть своего рода «индукция») на индукцию в ее общепринятом смысле логического вывода, а также на тот факт, что последняя, при ее действительно адекватном объяснении, в конце концов ведет к исходному, первоначальному предвосхищению (originale und ursprüngliche Antizipation). Именно на основе такого рода предвосхищения должна строиться настоящая «теория индукции» (на которую было положено столько напрасного труда). Но об этом мы упоминаем здесь только вскользь, поскольку нас сейчас занимает прояснение горизонтной структуры опыта.

Эта изначальная «индукция», или предвосхищение, обнаруживается как производный модус первоначально учреждающей познавательной активности, как [своего рода] модус активности и первоначальной интенции. Следовательно, речь идет о модусе «интенциональности», а именно, интенциональности предвосхищающей, выходящей за пределы ядра [наличной] данности (über einen Kern der Gegebenheit hinausmeinenden). Такая интенциональность не только выходит за пределы [налично данного], предвосхищая характеристики исследуемой вещи, выявление которых только ожидается в настоящий момент, — она превосходит саму эту вещь со всеми предвосхищенными возможностями ее дальнейшей конкретизации, исходя в направлении других объектов, сознаваемых одновременно с данной вещью, пусть сперва лишь на заднем плане. Это значит, что любая данная в опыте вещь обладает не только внутренним горизонтом, но и бесконечно открытым *внешним горизонтом сосуществующих объектов* (Außenhorizont von Mitobjekten), — горизонт второй ступени, соотношенный с горизонтом первой ступени и имплицитующий ее. Пусть я и не обращен к этим объектам в данный момент, однако всегда могу к ним обратиться. Они могут как отличаться от объекта, данного в опыте в настоящий момент, так и совпадать с ним по своей предметной типике. Но при всем осознаваемом в предвосхищении возможном отличии других объектов [от данного], всем им свойственно нечто общее: все реальное, предвосхищается ли оно одновременно [с данным объектом] или же сознается только на заднем плане в качестве внешнего горизонта, предстает

в качестве реальных объектов (а также свойств, отношений и пр.), принадлежащих *миру*, как сущее в едином пространственно-временном горизонте.

Непосредственно это [обстоятельство] относится прежде всего к миру простого чувственного опыта, к чистой природе. Опосредованно же оно имеет значение и для всего существующего в мире: для человеческих и животных субъектов, как субъектов этого мира, для культурных благ, вещей повседневного обихода, произведений искусства и т.д. Все существующее в мире причастно природе. Натурализация духа — это не просто выдумка философов: она является фундаментальной ошибкой, в случае если она ложно истолкована и использована, но только лишь в этом случае. Однако основание и правомерность такой натурализации — в том, что все реально существующее в мире так или иначе занимает свое место в пространственно-временной сфере. Все находится «здесь» или «там», и это место можно определить, подобно всем остальным местам; а поскольку все сущее является пространственно-временным, оно может быть определено и во временном отношении посредством физических приборов, пусть это будут песочные часы, маятник или какой-либо другой хронометр. Тем самым все [непосредственно] не воспринимаемое чувствами (*Unsinnliche*) причастно чувственности; оно представляет собой сущее, принадлежащее *этому* миру (*aus der Welt*), существующее в едином пространственно-временном горизонте.

Поэтому *существование реального* никогда не имеет другого смысла, кроме «*существования-в*» (*Inexistenz*), кроме бытия в универсуме, в открытом пространственно-временном горизонте. Речь идет как о горизонте уже известного реального, пусть на данный момент и не сознаваемого актуально, так и [о горизонте] неизвестного реального, которое в будущем может стать доступным опыту и известным. Реальный [объект] осознается в отдельных апперцепциях, чему неизбежно сопутствует некоторое смысловое содержание (*Sinnbestand*), пусть и нетематизируемое, которое выходит за рамки данных апперцепций и совокупного содержания того, что в них апперципируется. В переходе от наличного состава уже актуализированных апперцепций к новым содержаниям господствует синтетическое единство; только что апперципированное [содержание] обладает как бы еще пустым, еще содержательно неопределенным горизонтом предварительной значимости (*Vorgeltung*), — смыслонаполняющим горизонтом, который уже предочерчен, однако еще не обособлен и не конкретизирован. Таким образом, горизонт значимости (*Geltungshorizont*), мир в его бытийной значимости, предвосхищается в постоянном движении обосо-

бляющего и подтверждающего исполнения (*der besondernden und bestätigenden Erfüllung*), — предвосхищается как превышающий все, что в данном случае схвачено и наделено значимостью как нечто отдельное и относительно определенное (*in Einzelheit und relativer Bestimmtheit Ergriffene und zur Geltung Gebrachte*).

Тем самым каждой отдельной апперцепции, каждой данной в настоящий момент совокупности отдельных апперцепций свойственна *трансценденция смысла* (*Sinnestranszendenz*). С одной стороны, она имеет место в отношении непрерывно предвосхищаемой потенциальности новых реальных объектов и групп объектов, которые в будущем могут быть раскрыты в процессе вхождения их в поле сознания *из* [горизонта] мира. С другой стороны, трансценденция смысла понимается как внутренний горизонт, заключенный в каждом уже данном реальном [объекте] и указывающий на совокупность его еще не апперцепированных признаков. Итак, всякое новое реальное [сущее], являющееся в опыте, находится в горизонте мира и как таковое имеет свой внутренний горизонт. Оно становится известным в тематическом восприятии, континуально представляясь как оно само в течение некоторого отрезка опыта (на сколько бы он ни простирался), разворачивая при этом свои отдельные признаки, свои моменты чуждости. В свою очередь, последние также осознаются как представляющие сами себя (*sich selbst darstellende*), но именно в смысле таких [признаков], посредством которых реальное [сущее] показывает себя таким, каково оно есть. В структуру подобной экспликации нам вскоре предстоит детально углубиться.

Все, что таким образом выявляется, имплицитно содержась в восприятии еще до экспликации воспринятого, сущностным образом относится к реальному [сущему] в качестве такого его аспекта, который в этом восприятии *собственно* и становится воспринятым. Само оно есть нечто большее, чем совокупность признаков, входящих и уже вошедших в актуальный опыт, ведь оно сопряжено со смыслом, который ему постоянно сообщает его «внутренний горизонт». Так, видимая сторона [вещи] предстает в качестве таковой, лишь поскольку она имеет невидимые стороны, которые предвосхищаются как определяющие для смысла восприятия (*die als solche sinnbestimmend antizipiert sind*). Мы можем направить на них наше тематическое внимание, можем задаться относительно них какими-то вопросами, можем сделать эти стороны наглядно данными. Например, после того как восприятие уже прервано, от знакомства с вещью сохраняется только что приобретенное и «еще

живое» знание, своего рода продолжающаяся значимость (Fortgeltung) — как известность реального в отношении тех его признаков, которые, собственно, уже стали доступными опыту. Тем не менее, в этом случае мы можем заранее сформировать представление о том, что могло бы (и должно было бы) принести нам дальнейшее восприятие, как сопряженное с самим реальным. И каждое такое предвосхищение созерцания (Vorveranschaulichung) в отношении того, что приписывается реальному [объекту] «априори», имеет сущностное свойство неопределенной всеобщности.

Например, мы формируем предварительную интенцию созерцания (Vorveranschaulichung) относительно оборотной стороны некоторой вещи. В данном случае мы хотя и получаем актуализирующее созерцание (vergegenwärtigende Anschauung), — подобно тому, как это происходит в воспоминании, — но мы не достигаем твердой, индивидуально фиксированной определенности [характеристик вещи], какая имеет место в воспоминании (предположим, что в обоих случаях достигается полная ясность). По мере того, как мы фактически продвигаемся в направлении внутренней определенности [характеристик вещи], мы осознаем произвольность окраски, выявленной и отныне зафиксированной в качестве ее цвета. Каждому предвосхищению созерцания (Vorveranschaulichung) сопутствует сознание текучей вариабельности, способное фиксировать варианты. Например, это может быть какая-то определенная окраска, но только как один из вариантов, вместо которого мы могли бы с равным успехом подставить другой.

Тем не менее, произвольность эта все же не безгранична. В неустойчивости, свойственной предвосхищениям созерцания (im Schwanken der Vorveranschaulichung), в переходе от одного варианта (или направленности на временно фиксированный вариант) к другому сохраняется единство предвосхищения, направленного в данном случае на окраску оборотной стороны [вещи]. Однако такое предвосхищение остается неопределенно общим, поскольку типически определенное содержание предвосхищается в нем как известное [только лишь] в типическом отношении. В ходе конкретизации этой типической всеобщности в форме определенных «возможностей», открытых для действительного бытия указанной окраски, пространство возможностей выступает как эксплицитный «объем» неопределенной всеобщности предвосхищения (unbestimmten Allgemeinheit der Antizipation). Данная в опыте вещь имеет бытийный смысл лишь как вещь с соответствующим внутренним горизонтом, хотя только ядро ее чтойных моментов входит в фактический,

собственный опыт. Каждая вещь, каждое данное в опыте реальное [сущее] имеют свое всеобщее «априори», некоторую предварительную известность (Vorbekanntheit), как всеобщность априорного типа, принадлежащую пространству априорных возможностей, — всеобщность неопределенную, однако постоянно идентифицируемую как та же самая. Очевидно, что этот тип (если брать тип в целом) включает в себя и те свойства вещи, которые уже вошли в актуальный опыт. В процессе выявления и исчезновения [из поля опыта] чтойных моментов, реальное продолжает осознаваться и идентифицируется как одно и то же; с этим единством сопряжен и общий тип как совокупный горизонт типической всеобщности (Gesamthorizont der typischen Allgemeinheit), в который все, что становится актуально известным, встраивается в качестве отдельных, более или менее завершенных характеристик.

Что касается внешнего горизонта, который, выполняя смыслоопределяющую функцию, принадлежит к данному реальному [объекту], то он заключается в сознании потенциальности возможного опыта относительно [других] реальных объектов. Последние имеют соответствующее им априори в качестве своей собственной типики, посредством которой они с необходимостью апперципируются, и которая остается инвариантной в ходе актуализации тех или иных возможностей инвариантного пространства. Однако любая частная типика, типика отдельных реальных [объектов] (а также констелляций объектов), охватывается *типикой целого* (Totalitätstypik), распространяющейся на весь горизонт мира в его бесконечности. В протекании опыта мира, [в протекании] конкретно полного сознания мира в его ежесекунтности, бытийный смысл мира (der Seinssinn Welt) остается инвариантным. Инвариантным остается и структурное построение этого бытийного смысла из инвариантных типов отдельных реальных [объектов].

Таким образом, *фундаментальная структура сознания мира*, — а в коррелятивном соответствии, и самого мира как горизонта всех доступных опыту отдельных реальных [объектов], — это *структура, в которой известность сочетается с неизвестностью*. В ней присутствует сквозная относительность и (равным образом сквозное) относительное разделение (Unterscheidung) между неопределенной всеобщностью и определенным своеобразием. Горизонтно сознаваемый мир в своей постоянной бытийной значимости имеет субъективный характер знакомства в целом (Vertrautheit im allgemeinen), [выявляясь] как горизонт сущего, известный в общих чертах, но еще не известный в своих индивидуальных особенностях. На все, что получает соб-

ственную значимость как сущее, распространяется этот неопределенно общий характер знакомства; все сущее приобретает тем самым некоторую известную форму, в рамках которой проходят все дальнейшие различия между известностью и неизвестностью.

Этих приблизительных указаний пока достаточно для того, чтобы составить представление о сущности и способе осуществления (*Wesen und Leistung*) допредикативного опыта — то есть обо всем том, что всегда уже задействовано в опыте отдельного предмета, этой якобы первой и последней инстанции элементарного «схватывания». С одной стороны, представляется верным, что истинно сущий предмет есть только продукт нашей познавательной деятельности, однако для любой познавательной деятельности, где бы она ни свершалась, это продуцирование истинно сущего предмета не означает, что он производится из ничто. Так или иначе, предметы всегда уже являются предданными, так же как заранее предданным для нас является и *предметный* окружающий мир. Все аффицирующее нас на заднем плане с самого начала осознается в некотором «предметном схватывании» (*in einer „gegenständlichen Auffassung“*) — осознается, как таковое, в предвосхищении. Поле восприятия, сопряженное с каждым моментом жизни [сознания], изначально представляет собой поле «предметов», которые схватываются как единства «возможного опыта» или, что то же самое, как *возможные субстраты актов узнавания* (*Substrate von Kenntnismahmen*). Это означает следующее: то, что аффицирует нас со стороны пассивно предданного заднего плана, не есть совершенно пустое «ничто», некое «данное» (здесь мы не находим нужного слова) без всякого смысла, «данное» абсолютной неизвестности. Скорее, *неизвестность* — это в то же время всегда *модус известности*. По крайней мере, то, что нас аффицирует, с самого начала известно постольку, поскольку оно вообще представляет собой определенное «ничто»; оно осознается в пустой *форме* [*возможной*] *определенности* (*in der leeren Form der Bestimmbarkeit*), то есть как снабженное пустым горизонтом [возможных] характеристик («некоторых» неопределенных, неизвестных характеристик).

В коррелятивном отношении, соответствующее такому «ничто» схватывание изначально имеет открытый пустой горизонт доступных осуществлению экспликаций — конечно, предвосхищаемых «неопределенным», «пустым» образом (типа «я могу», «я могу подойти туда», «могу взглядеться ближе», «перевернуть» это и т.д.). Всякое углубление в действительную экспликацию придает ей интенциональный характер экспликации исполняющей, осуществля-

ющей горизонтную интенцию (как пустое предвосхищение). Это происходит шаг за шагом, в результате чего некоторые неизвестные характеристики [предмета] становятся определенными и отныне известными. Таким образом, схватывание чего-либо как «предмета вообще» — еще в полной неопределенности, неизвестности — уже несет в себе момент известности. Оно осуществляется как схватывание чего-то такого, что «некоторым образом есть», что поддается экспликации и может стать известным в соответствии с тем, что оно есть. А именно, речь идет о таком «нечто», которое находится в горизонте мира как совокупности сущего (*Allheit des Seienden*), причем само это сущее известно нам *постольку*, поскольку оно есть сущее «в мире», а с точки зрения корреляции — сущее, которое должно войти в текучее единство нашего опыта.

Но это еще не все. Для [полноценно] развитого сознания с самого начала предочерчено (*vorgezeichnet*) не только общее схватывание «предмета», «экспликата вообще», но уже намечена и определенная типизация всех предметов. Вместе с каждым впервые конституированным (с генетической точки зрения), новым по виду предметом отныне предочерчен новый предметный тип, в соответствии с которым будут с самого начала схватываться и другие подобные ему предметы. Таким образом, наш предданный окружающий мир «преддан» нам как уже многообразно оформленный, структурированный согласно своим региональным категориям и типизированный в соответствии с разнообразными родами, видами и т.д. Это означает: то, что аффицирует нас на заднем плане, схватываясь при первом же активном вмешательстве (*Zugriff*), известно нам в гораздо более широком смысле. Уже на заднем плане оно пассивно воспринимается не просто как «предмет», как «данное в опыте», «экспликат», но как вещь, человек, артефакт, причем в своих далее раскрывающихся особенностях. Таким образом, оно имеет свой *пустой горизонт известной неизвестности* (*Leerhorizont einer bekannten Unbekanntheit*), который надлежит описывать как универсальный горизонт «предмет», имеющий особые очертания (*Einzeichnungen*), или, скорее, предочертания (*Vorzeichnungen*) — а именно, предочертания некоторого стиля возможной экспликации, с экспликатами соответствующего стиля. Но этот горизонт является все же пустым, это горизонт неопределенностей, неизвестностей — как определяемых, приводимых к узнаванию и известности. Конечно, в некоторых случаях то, что нас аффицирует, может быть лишено особой типизации, но оно схватывается, по меньшей мере, как объект, а если оно дано чувственным образом — как пространственный объект, причем в рамках максимально общей и совершенно необходимой формы «предмет вообще».